

45. БЕЛОВЕЖСКАЯ ПУЩА

Первую встречу с Беловежской пущей я не забываю, как не забывают первого разочарования в первой любви.

“Завтра я покажу тебе Беловежскую пущу!” — торжественно сказал мне под занавес теплого апрельского дня председатель колхоза Пружанского района. Колхоз завершил сев, завтра председатель собрался отдохнуть. Способ отдыха возник тотчас, как он узнал, что я не был в знаменитом лесу. Десятилетний сын его Витька тоже не был и давно приставал: свози!

До пущи было двадцать километров, однако она явилась нам прямо в колхозе. У шоссе, на густой озими, пасся зубр. Заметив, что машина остановилась, прекратил есть, опустил голову, застыл как неживой. “Наблюдает! — сказал председатель. — Разроет, гад, рожь.” — “Давай прогоним!” — предложил Витька. Председатель не согласился: “Опасно злить. После зимы в пуще голодно. Он мою рожь ест не за так. Зубры роют рожь, кабаны — картошку, а за это я с пущи имею. Там — стройматериал хороший. Поехали!”

Лес то подходил к дороге, нависая гонкими соснами, то уступал место полю, лугу, болоту, кустам. Вдруг на обочине мы увидели причудливый обрубок сухого дерева, на нем — нестандартный указатель: “БЕЛОВЕЖСКАЯ ПУЩА. Заповедно-охотничье хозяйство.”

Председатель свернул с шоссе, объехал знак “кирпич” и полосатый шлагбаум. Пару часов газик колесил по лесным дорогам, то укатанным, то песчаным, то сырым, почти не проезжим. Прыгал по заросшей железнодорожной узкоколейке. Председатель ориентировался как дома, рулил под таблички, извещавшие, что тут абсолютно-заповедная зона, что проезд и проход без пропуска запрещен, что нельзя собирать грибы и ягоды. На молчаливый вопрос сына он восклицал: “А зубр роет нашу рожь!”

В пуще было многолюдно. Мы с трудом разминулись с тремя грузовиками, груженными длинными соснами. Обогнали рабочих, гуськом ехавших на велосипедах, на багажнике каждого лежала бензопила. Повстречали лесника на телеге. Председатель вылез из машины, поздоровался с ним за руку, побеседовал. Вернувшись, сказал нам с Витькой, что зубров утром покормили, они ушли в чащу. Посмотрим многовековой дуб, двухсотлетние сосны. Поехали по берегу мелиоративного канала.

Дуб стоял мощный, ствол мы обхватили втроем. Сосны — висо-okie. Такие в детстве я видел возле своего Горска в Каргановом лесу. Примерно такие сосны везли три грузовика, встреченные нами. После сосен мы въехали

в березовую рощу. Как в белом храме очутились. На полянке голубели пушистые подснежники. Невозможно было не задержаться тут. И пришло время перекусить.

У березы обломили ветки, привязали к ним пустые бутылки, чтобы собрать сока. Пока готовили скатерть-самобранку, проверяли-угадывали будущий урожай зацветающей земляники, в бутылки натекло березовика. Его председатель налил сыну, а себе и мне — водки. Врезалось в память на всю жизнь: Витька ест, серьезно спрашивает: "ПАПА, А ГДЕ БЕЛОВЕЖСКАЯ ПУЩА?"

Мальчик выразил меня! Чем дольше я находился в пуще, тем досаднее мне было. Я не увидел того, что ожидал. Выросший в лесной деревне, привычный к лесу, я увидел тот же лес. Беловежская пуща не складывалась в легендарный образ. Мешали дороги, каналы, пни, безжизненные посадки молодой сосны, колонна грузовиков, председатель-нарушитель, вырубки, поросшие осиной...

Чувство разочарования мешало восторженно ощутить: я — в Беловежской пуще! Так разочаровывает прошедшая любовь. Так родители думают о непутевых детях, не оправдавших родительских ожиданий. Так детей может разочаровать ненаступившее будущее.

Нечто похожее, как оказалось, происходило и в Витькиной душе. После, бывая в пуще, я всегда вспоминал вопрос Витьки: "Папа, а где Беловежская пуща?" И еще больше убеждался в его правомерности, трагичности.

"Белавежская пушча" — газета, выходящая в Минске раз в квартал с 1995 года. Выпускает ее Валерий Дранчук, совмещающий все редакционные обязанности. Публицист, поэт, художник, дизайнер, редактор. Издание — эмоционально, насыщено и фактами, и субъективными ощущениями. Я всегда доверяю газете, которая не выпячивает свою "объективность", "отстраненность". Слово коллеге Дранчуку:

"У нацыянальным парку "Белавежская пушча" колькасць працоўных месцаў даўно перасягнула тысячу адзінак. Людзі займаюцца тым, што не адпавядае прыродаахоўнаму накірунку. Былі ўжо конегадоўля, развядзенне гусей, вырошчванне навагодніх ёлак... Усе пачыны бясслаўна сканчаліся, апроч валютных паляванняў. Па-ранейшаму на апошніх ралях навука. Пра эфектыўнасць даследаванняў гаварыць бракуе сэнсу. Так званая навуковая дзейнасць ёсць прыкрыццём зусім іншых мэтаў. Адкрыты новы цэх лесаперапрацоўкі. Прадукцыйнасць еўрапіларамы надзвычай высокая, яна хутка праглыне запасы сухастойнай драўніны, і тады востра паўстане пытанне сыравіны. Пачнуць секчы жывыя дрэвы. Белавежская пушча як

аб'ект нацыянальнай і сусветнай прыроднай спадчыны знішчаецца. У Еўропы ёсць падставы, каб адабраць у пушчы спецыяльны Дыплом."

Слово автору газеты «Беловежская пуца», ученому Владимиру Дацкевичу:

"Я скажу вам самыя горкія, самыя крыўдныя, можа, самыя балючыя словы, якія мушу сказаць. Старажытная пушча засталася ў мінулым. Той лес, які мы нядаўна ўважалі за пракаветна-казачны, велічны, першародны, — сённа ўжо страчаны. Паўвеку я прахадзіў тут і сённа магу даказаць любой камісіі, што ўсё тут затурзана і спаганена. А што робяць тыя, хто тут камандуе? Налягаюць на гасцініцы, рэстараны, тэнісныя корты. Ды ёлкі-палкі! Хто сюды паедзе? Усё ж непамерна дорага. А што для выхавання, для дапытлівых дзіцячых душ? Дзе культура, этыка, веды, любоў да прыроды? Дзе намаганні па захаванні пушчы як аб'екта нумар адзін нашай прыроднай спадчыны, як унікама Еўропы? Я вельмі шкадую, але павінен сказаць: у Белавежскай пушчы ўжо няма чаго паказваць турысту."

И обязательно послушаем саму пуцу. У нас есть такая возможность. Я имею в виду не ее птичий гомон, не шум ее вершин, не звонкую тишину ее чащоб. Я имею в виду человека. Человек способен выразить собой все и вся. Беловежская пуца смогла выразить свое состояние словами человека, который в 1912 году родился в самом ее сердце, в деревне Вискули, в семье лесничего. Его зовут Андрей Прокопчук, вы знакомы с ним по одной из моих хроник.

В 1930 году Прокопчук вместе с семьей и группой земляков в поисках лучшей жизни выехали из Западной Белоруссии в Парагвай. Лучшую жизнь на чужбине они сотворили собственными руками. Но зов Родины неистребим. В 1996 году, после шестидесяти шести лет разлуки, глубоко верующий старик (баптистом стал еще до отъезда в Парагвай) посетил Беларусь. В 1999-м Прокопчук выпустил в Бресте автобиографическую книгу "По прекрасным местам" (библейское выражение). Встреча преклонного старика с Родиной:

"И вот мы уже приехали в Вискули. Стоят несколько домиков. Директор пуци показывает на домик, в котором я родился, и объясняет: "Он самый старый, ему больше 100 лет." Войти в него не разрешается. И в этот момент меня охватило такое чувство, которое я никогда в жизни не имел. Мысль во мне заговорила: вот это то место, где ты впервые увидел свет, где ты впервые произнес слово "мама", где ты начал ходить. Я был почти вне себя. Хотел упасть на землю и целовать ее и долго-долго лежать на ней, но как-то удержался... Недалеко от этого домика стоит прекрасный дворец, в котором советские лидеры распустили Советский Союз. В этом дворце, по словам директора, и теперь бывают заседания видных людей мира сего. Это место

считается самым безопасным в мире... Беловежская пуца в большом запустении. Лучшие деревья немцы и англичане увезли, остался только молодняк. Совсем не такой лес, какой он был, когда я пас в нем скотину деревушки Зановины... Дома заросли дикой травой, и за чистотой улицы никто не смотрит. Современная цивилизация не подняла Зановины, и эта деревушка превратилась в селение далекого прошлого. Почему же это так? Не является ли причиной этому безбожная власть? Народное отступление от Бога? О, дорогая Беларусь! Как ты нуждаешься в мире с Богом!"

Командует Беловежской пуцей Управление делами администрации президента РБ (ему же принадлежат прочие заповедники и национальные парки страны). По сути Беловежская пуца приравнена к канцелярской скрепке. Чтобы купить скрепку, деньги нужно взять в пуце. Кроме того, необходимо одеть, накормить, благоустроить, милитаризовать батьку. Требуется удовлетворить всевозрастающие потребности бесконечно плодящейся администрации.

Пуца — вожделенный кусок, при виде которого у власти текут слюнки. Беларусь, как нам говорят, строит "социализм с человеческим лицом". Этот социализм — истинно туземный, основанный на распродаже природно-сырьевых ресурсов. Его лицо обрело озабоченность всеядной свиньи, жадно заглатывающей Беловежскую пуцу. Заглатывает — и не подавится!

Что охотнее всего берет у Беларуси иностранный покупатель? Правильно, лес. А лес у нас — сплошь послевоенный, незрелый, нетоварный. Спелый лес, пригодный, допустим, на паркетную дощечку, в Беларуси сохранился пятнышками в труднодоступных массивах, они при советской власти назывались "заповедниками", а президентской властью переименованы в "национальные парки". Новый статус лишил заповедники даже лицемерно декларированной ранее неприкосновенности. Новейшая власть, сняв с Беловежской пуцы многовековую тайну, перестала и сама притворяться, и пуце указала ее реальное место.

Главная тайна Беловежской пуцы в том, что она НИКОГДА НЕ БЫЛА ЗАПОВЕДАННОЙ, хотя называлась заповедником практически всегда, как только началась письменная, более-менее систематизированная история здешних мест. Если отбросить доисторические времена, то можно сказать, что Беловежская пуца -- это женщина, которая никогда не была девственницей. Точнее, никто не знает, когда она потеряла честь. Известно лишь, что сия потеря случилась не ради продолжения рода.

Первые оберегающие природу меры, напоминающие современные заповедные мероприятия, введены на территории пуцы в 13 веке. Князья ВКЛ установили ограничения охотникам. Не себе, разумеется, а тем, кто

ниже званием. В 14 веке Беловежская пуца объявлена заповедником, где охота разрешена только великим князьям и приближенным.

Главный предмет княжеской охоты — зубр. В Европе он к 12 веку стал редкостью, в Беловежской пуце водился в изобилии. Сюда еще не пришла цивилизация, валившая европейские леса, лишавшая зубра места обитания. Из-за зубра пуца обрела особое общественно-культурное положение. Ради зубра князья вынуждены были оберегать лес. В 15 веке появились первые указы, ограничивающие вырубку деревьев. Зубр спас пуцу. Беловежская пуца досталась нам благодаря охотничьей страсти сильных мира сего.

Князья, естественно, хотели жить хорошо, для чего необходимо было либо воевать, либо торговать. Воевали помногу. Торговали в мирные передышки. Николай Гусовский в "Песне о зубре" (1522) пишет:

**Край благодатный — великое княжество наше,
Но не одна красота в его море зеленом.
Лес наш приносит большую хозяевам пользу:
Он — кладовая живицы и смол корабельных,
Межа пушного, и меда, и воска, и дичи.
Так что купец чужестранный тугою мощною
Может тряхнуть, не скупясь, на торгах наших людных.
Все тут — сосна корабельная, дуб для поделок,
Тес для богатых домов — королевствам безлесным.**

Беловежская пуца, оставаясь полигоном княжеских забав, сделалась хозяйственным объектом. Две цели вступили в жесткое противоречие. Пришлось законодательно упорядочить лесное и звериное хозяйства на угодьях ВКЛ (Статут 1588). Специфическая "забота" правителей о пуце способствовала передовым деятелям того времени разрабатывать толковые правила природопользования в государстве. О цивилизованности великосветских утех они не заикались, в пуце сохранялось дикое средневековье. На королевской охоте 27 сентября 1752 года убиты 42 зубра, 18 зубрих, 6 зубрят. Чуть раньше коронованными убийцами в пуце был целиком истреблен благородный олень.

После третьего раздела Польши в 1795 году Беловежскую пуцу (и Беларусь) заполучила Россия. Начался заключительный этап уничтожения пуцы, завершившийся вопросом десятилетнего Витьки: "А где Беловежская пуца?"

Прикрываясь щитом царского охотничьего хозяйства, в уникальном лесу хозяйничали высокопоставленные дельцы, пуца перетекала в их кошельки, вывозилась в Англию, Германию, Францию. Морское ведомство России

вырезало на корабельные мачты лучшие дубы и сосны. В пуще велись сплошные рубки. Газета "Колокол" (1861) выступила со статьей "Дремучее дело".

Русские ученые пытались наладить в пуще исследования, добились прекращения сплошных рубок, провели лесоустройство, обнесли пущу рвом и забором.

Прогрессивные нововведения случались благодаря тому, что пуща была фактической собственностью царской семьи. Здесь продолжались традиционные забавы. 6-7 октября 1860 года жертвами безумной царской охоты пали 28 зубров. Повеселившись, охотники-временщики отбывали в столицу. Но царский забор вокруг пущи оставался, напоминал холопам: не лезь, не тронь. Защищаясь им как охранной грамотой, специалисты вели ботанические изыскания, восстанавливали благородного оленя, подкармливали зубра. Думали о будущем.

Временщики возвратились в пущу вместе с первой мировой войной. Это были немцы. За два с половиной года оккупанты вывезли из Беловежской пущи почти столько древесины, сколько вывезли за 19 век все скупщики и воры Европы. Немцы забирались в недоступные места, тянули туда железные пути, забирали самое ценное (по немецкой узкоколейке возил меня председатель колхоза).

По немецким рельсам (общая длина 300 километров!) в 1919-1939 годах жадно вывозили древесину из Беловежской пущи поляки. Клочок леса был назван Национальным парком, там польские ученые восстановили зубра, этим внося вклад в мировую культуру. В то же время польские лесопромышленники боролись с культурой, уничтожая белорусское Беловежье как эталон природы.

В годы второй мировой войны Беловежскую пущу продолжили утаскивать к себе домой немцы. Чтобы никто не мешал, они выселили из пущи местное население, уничтожив 80 деревень.

После войны пущанское население вернулось в сожженные деревни и взялось рубить пущу, чтобы построить новые дома. Белорусский лес во время войны дал людям приют, но за это люди не пожалели лес, срубили его остатки, пригодные в хозяйстве. В том числе — в Беловежской пуще, в 1944 году объявленной ... заповедником. Там возвели резиденцию для охоты верховных московских коммунистов. В 1957 году Беловежскую пущу по-ханжески перекрестили в "заповедно-охотничье хозяйство". Пущу изнасиловали и, дабы избежать справедливой кары, заставили врать: я — девственница.

Поэт Николай Гусовский пять веков назад хотел возродить пуцу и нацию одновременно. Он понимал возрождение как единый этно-культурный и природоохранный процесс. Он был утопист, но его идея до сих пор остается прекрасной, насущной. Нынешние душители белорусского Возрождения отняли у нации язык, флаг, герб, пуцу — все одновременно.

Теперешняя власть, аккумулировавшая оккупационную методичку всех бывших властей, превзойдя в техническом оснащении всех предыдущих дедаг, выкорчевывает нас из родной земли, обрубают наши древние корни, лишает будущего.

2000

29 января 2003 года Управление делами президента Республики Беларусь организовало однодневную поездку группы журналистов государственных и негосударственных СМИ в свою вотчину — Беловежскую пуцу. Меня тоже — впервые за восемь лет президентской власти! — аккредитовали на официальном мероприятии. Благодарю организаторов за транспорт и обед! И представляю журналистский отчет о командировке.

В столице Беловежской пуцы, деревне Каменюки, перед тем, как упаковать нас в два маленькие автобусы и в течение четырех часов показывать лес, нам вручили четырехстраничный документ с неразборчивой подписью. Он напоминал справку о сегодняшних заботах национального парка и заклинание написать «объективные и честные статьи, ... где главным критерием будет журналистская совесть», но не будет «необоснованных обвинений».

В документе с раздражением говорилось, что в последнее время Национальный парк «Беловежская пуца» стал «объектом пристального внимания отдельных средств массовой информации, по-своему трактующих принцип природопользования», что «авторы подобных публикаций не имеют представления о заповедном деле, специфике и особенностях природных комплексов Беловежской пуцы, в том числе лесных экосистем, природоохранном законодательстве (что можно, а что нельзя), статусе национального парка, что делается и как делается».

Сочинитель-заклинатель, судя по его апломбу, имел, во-первых, самые правильные представления о том, что можно, а что нельзя. Во-вторых, имел в виду, кроме прочих авторов, и меня, автора статей в газетах «Свободные новости» и «Народная воля» о современной трагедии Беловежской пуцы,

которую нынешние власти прибрали к рукам и целенаправленно трансформируют из заповедника в лесхоз.

Национальному парку «Беловежская пуца» сейчас принадлежит примерно 120 тысяч гектаров лесов, болот, вырубок, полян, дорог, просек, речных пойм, полей, молодых лесопосадок, пустырей, хозяйственных участков... Если бы удалось сфотографировать пуцу из спутника, то она напомнила бы разноцветное лоскутное одеяло, прохудившееся до многочисленных дыр, следовательно, не способное укрыть, согреть.

Из 120 тысяч гектаров одеяла 20 процентов занимает самый большой лоскут темно-зеленого цвета -- абсолютно-заповедная зона, где пуца живет без вмешательства человека. Этого лоскутка площадью примерно 24 тысячи гектаров, по альтернативному мнению, крайне мало, там пуца не сможет поддерживать собственное устойчивое равновесие. Полностью заповедать необходимо хотя бы половину Беловежской пуцы, только при таком условии она реально, а не формально станет заповедником, всемирным эталоном свободной дикой жизни, храмом природы.

Основная часть пуцы, 80 процентов территории, называется заповедно-регулируемой зоной, куда журналистов повезли в первую очередь и где мы испытали шок от пуцанского апокалипсиса.

Упавшие друг на дружку деревья превратили лес в гигантскую свалку. На свалке копошатся мужчины с топорами и пилами, превращают завалы в аккуратные штабеля порезанных стволов и в кучи срубленных веток, которые тут же сжигают.

Среди вековых дубов с треском полыхают костры, окрас которых зависит от того, что сжигают, -- ель, осину, сосну, березу... Косматое, черное на острие пламя шатается туда-сюда от ветра, обжигает дубы, небо, лица, землю, ягоды, подлесок, мхи, душу...

Там, где уже расчистили и кое-как упорядочили завалы, -- поистине лунный пейзаж: выворотни лежат корнями вверх, будто лес бесстыдно демонстрирует интимные места; чернеет торф, желтеет песок, белеют широкие пни; в ямах и рывтинах блестит вода.

Уборка пней и выворотней не предусмотрена, их оставили на месте, пока не сгниют. Для придания лесу эстетичного вида нет специальной техники, денег, технологии, экономической целесообразности, а значит, и желания.

Лунные поляны в Беловежской пуце с болью будут наблюдать наши потомки, даже если здесь возродится лес (или самостоятельно, или с помощью

работников заповедника, когда они вдоволь заготовят семян, которых сейчас не хватает).

Поскольку у меня нет космической фотографии пущи, она ассоциируется у меня с решетом. Представьте: Беловежская пуща светится, как решето. Или как старая кастрюля. Пуща не воспринимается как нечто целое, живое, вечное. Горькое чувство потери сопровождало меня в пуще. Продырявленную кастрюлю выбрасывают, не так ли?

На лунной поляне сиротливо застыли один мощный дуб и одна корабельная сосна. Они самые сильные, не упали. Но они обречены, ибо выросли в тесном кругу своих братьев и сестер и без них нежизнеспособны.

Беловежская пуща, как пояснил ее Генеральный директор Николай Бамбиза, падает нынче по двум причинам. Первую -- породила сама природа. В феврале и июле 2002 года пущу навели ураганы, которые превратили в сплошной бурелом 50 тысяч кубометров леса всех пород на площади 181 гектар. Столько же кубов леса ураганы положили на отдельных участках.

Вторая и самая масштабная причина беловежской трагедии -- тоже «внутри» природы. В июне 2001 года произошло «непрогнозируемое размножение короеда-типографа» (из упомянутой справки). Жук повредил еловые леса, которые занимают 14 процентов пущи. После жука ель обязательно сохнет, ее с легкостью валит ветер.

Эффективным спасением от жука-короеда является срочное «изъятие» поврежденной ели, дабы не дать вредителю размножиться, переселиться на здоровые деревья. Это -- азбука лесоводов. Чтобы следовать элементарному правилу, в национальном парке «Беловежская пуща» ждали, трудно поверить, шесть лет. Ведь жук-короед появился не в 2001-м, а в 1993-м, и в небольших очагах. Вопрос «по жуку» изучали три комиссии, составленные, конечно же, из «известных ученых и специалистов» Минска и Гомеля (лесной институт), правительства, Минприроды, Управделами президента.

А в это время в польской Беловежской пуще, где на ель напал тот же короед, рядовые, но заботливые лесники тщательно осматривали дерево за деревом и при обнаружении первых признаков жука изымали поврежденные ели, не давая вредителю новой пищи. Об этом на пресс-конференции рассказали сами поляки, приглашенные в Каменюки.

В Польше спасли массивы ельников, а в Беларуси -- профукали в процессе многоступенчатых согласований, лишаящих специалистов ответственности и профессионализма, но заражающих оных корпоративным чванством.

В пуще меня вновь вынудили вспомнить, с какой спесью чванливые специалисты 20 лет назад обвиняли журналиста Козловича в дилетантстве, обсуждая на заседании ученого совета мой очерк о безумии отечественной мелиорации. Еще раньше, 30 лет назад, они кичливой сворой накинулись на меня за то, что защищал в прессе «неперспективные» деревни, осужденные ими к исчезновению.

Время подтвердило, что меня не подвела моя крестьянская интуиция, позволившая сориентироваться в социально-экологической сфере, искаженной бесчеловечным и неэкологичным социализмом. Разумеется, пришлось проштудировать множество книг, чтобы на равных вести дискуссию с узкими специалистами, дробящими и разбирающими природу по конъюнктурным темам.

Надеюсь, время-свидетель не высмеет меня за самонадеянность, если скажу, что сборное, интегрированное ЖУРНАЛИСТСКОЕ ЗНАНИЕ зачастую бывает глубже и шире узколобого знания многих профессоров. Осознавая это, они используют в полемике один подленький прием.

На протяжении моей журналистской и писательской жизни политизированные эпигоны от науки не устанут обвинять меня в непатриотизме и очернительстве страны и народа. Одного из них, хорошо знакомого мне академика, который еще недавно твердил, что нужно осушить «вредное» болото, а сегодня с тем же апломбом твердит, что осушенное болото надо восстанавливать, я увидел в Каменюках. Престарелого патриота привезли для того, чтобы поучил меня, как правдиво писать о пуще. Чтобы продолжил вешать на мои уши свою пережеванную лапшу.

Нет уж, не получится! Признайте, учитель, что кардинальной причиной массовой интервенции жука-короеда в пущу является ваша мелиорация как продолжение политической линии шефа ЦК КПБ Петра Машерова на интенсификацию в Беларуси земледелия с целью усиления мясо-молочной специализации и улучшения жизни трудящихся.

Покайтесь в пуще, как в храме, дедушка-академик!

Вокруг Беловежской пущи в угоду руководящей и направляющей партии академики и экскаваторщики осушили болота. Влаголюбивая ель своими корнями, залегающими близко к поверхности, почувствовала, что вода ушла, и стала болеть. Биологическая устойчивость беловежских ельников резко снизилась, не стало сил противостоять жуку.

Такова цепочка деградации человека, природы, специалиста, общества. Схема комплексной деградации в конце двадцатого века обнажилась в Беловежской пуще.

Меня в толпе журналистов и специалистов опознал и окликнул человек лет шестидесяти. Я видел его впервые. Он представился. Был возбужден, как индюк, напорист, как петух, высокопарен, как павлин. Сообщил, что пуца для него — место работы. А также источник вдохновения и патриотизма.

Он читал мои экологические очерки. Тут же, в лесу, процитировал мне фразы из них. Особенно возмутил его мой рассказ о разочаровании маленького мальчика, которого папа впервые привез в пуцу. Мальчик увидел обыкновенный лес, лесорубов, сосны в грузовике. И растерянно спросил: «Папа, а где Беловежская пуца?»

Седой индюк-петух-павлин язвительно повторил: «Папа, а где Беловежская пуца?». И повел рукой вокруг, и продекламировал: «Вот она, гордость наша, слава Беларуси!» В его тоне торжествовало чванливое хвастовство истиной в последней инстанции.

Естественно, он уличил меня в очернительстве. Дескать, сначала пуцу надо воспеть, чтобы заразить народ гордостью и патриотизмом за свою родину. А когда народ будет заражен, можно высказать конструктивные замечания. Для чего надо быть специалистом, а не писателем. Не сочинять бред о гибели пуцы. Не кляузничать на власть, а благодарить за то, что заботится о пуце.

Я выдержал птичий наскок и спросил: ладно, у меня бред, а что, допустим, у Георгия Козулько, ученого, прекрасно знающего пуцу, автора доказательных, основанных на фактах статей в негосударственной прессе о том, как государство-потребитель губит пуцу?

Так он же больной человек, он врет, ему пора в психушку! — парировал патриот, не утруждая себя моральными принципами.

Два специалиста, давно знающие друг друга и много лет проработавшие рядом, стали идеологическими врагами. Их взаимоотношения можно распространить на прочих товарищей и спадаров, имеющих отношение к Беловежской пуце.

Пуца стала ареной проявления человеческих амбиций. Здесь идет борьба демагогического патриотизма и критического реализма.

На пуцанской арене в данный исторический миг победу одержали кичливые профессионалы, которые успешно работают в своих нишах, но не способны увидеть Беловежскую пуцу в гуманистическом контексте. Их раздражают «зеленые» и экологи, исповедующие **НРАВСТВЕННЫЙ МАКСИМАЛИЗМ** как основу заповедного дела.

Узкие специалисты любят Беловежскую пуцу по-своему, как любят штабеля из бревен на складе своего лесопильного завода, который с железной последовательностью превращает пуцу в строительный брус, доску, рейку и который мечтают демонтировать экологи.

Чтобы накормить современную высокопроизводительную пилораму, в пуце рубят живые деревья. Так утверждают Козулько и К. На что Бамбиза и К. безапелляционно отвечают, что это ложь.

Кому верить? Прежде всего — собственным глазам.

Заготовленная в пуце деловая древесина складирована на лесопилке в двух исполинских штабелях, разбросана по всей территории завода. Я облазил залежи толстенных елей и сосен. Видел и больные бревна, и здоровые. Здоровые комли имеют свежий смолистый запах. Значит, их срубили, чтобы превратить в высококачественный пиломатериал и продать. Из сухостойной ели хорошей доски не выйдет.

В штабелях, на нижних этажах, возле земли, хвойная древесина начинает преть, от нее тянет гнилью.

Кому же все-таки поверить?

Хочу верить тому, кто бьется за сохранение реальной заповеданности Беловежской пуцы. Кто видит в пуце не сырьевой ресурс, а Храм, где грешно лукавить, как лукавят в политической экологии, прикрываясь патриотизмом, как последним убежищем негодяя.

Только этические принципы спасут Беловежскую пуцу.

Но в победителях сегодня патриоты. Они настолько уверовали в свою силу, что не дали нам возможности выслушать побежденных. Когда журналисты спросили, почему на пресс-конференцию не приглашены носители альтернативной информации о пуце, нам ответили, что таковых ... не знают.

Слукавили!

Валерия Дранчука, редактора газеты «Беловежская пуца», упрямого, бескомпромиссного, наивного рыцаря пуцы, знают отлично. Отказали ему в аккредитации, в Минске не пустили в автобус, которым доставили журналистов. Он приехал поездом, однако на пресс-конференцию в Каменюках его не пустили.

Георгия Козулько (он постоянно проживает в Каменюках) охрана задержала на подходе к административной зоне национального парка и вместе с его правдой, которую он хотел передать журналистам, развернула обратно.

А нам, журналистам, повторю, соврали, что не знают тех, кого только что задерживали, унижали, боялись, изолировали.

Боязливые победители пока не смогли поставить себе на службу жуков-короедов в количестве 4,5 миллиона единиц в расчете на 1 гектар пуши. Почему сие не удалось? Потому что жук-короед -- не человек. Значит, патриотом пуши быть не может.

2003

www.kamunikat.org